

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050071

М. Н. Муравьев, Я. Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян

© 2024 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ivinskij@gmail.com

Резюме. Статья посвящена исследованию литературных контекстов трагедии М.Н. Муравьева «Дидона». Она не была опубликована, рукопись этого текста хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). В работе показано, что Муравьев полемизировал с целым рядом европейских авторов, среди которых центральное место занимали Ж.Ж. Лефран де Помпиньян, который написал свою «Дидону» в 1734 г., и Я.Б. Княжнин, который, создавая одноименную пьесу предположительно в 1769 г., ориентировался на Лефрана. Если французский писатель критиковал Вергилия, не понимал его «естественности», как полагал Муравьев, и пытался предложить новые принципы построения персонажей в драме, то Муравьев, напротив, боготворил автора «Энеиды» и хотел вернуться к античному оригиналу. При этом молодой поэт мог опираться на сочинения Расина и критические статьи Вольтера, который на протяжении нескольких десятилетий высмеивал Лефрана и его произведения. Один из ключевых текстов Вольтера, посвященных этой проблеме, — «Le Russe à Paris» (1760), где он противопоставил Лефрану М.В. Ломоносова, который, в свою очередь, был одним из главных литературных образцов для Муравьева. Таким образом, в статье выдвигается гипотеза, что Муравьев, создавая свою «Дидону», оказывался в гуще актуальных литературных споров: отвергая линию «Лефран — Княжнин — Сумароков», ориентировался на линию «Вергилий — Расин — Вольтер — Ломоносов», претендуя на роль посредника между европейской и русской культурами.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, А.П. Сумароков, Вольтер, Вергилий, история русской литературы XVIII в.

Для цитирования: Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 85–95. DOI: 10.31857/S1605788024050071

Muravyov, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan

© 2024 Alexander D. Ivinskiy

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of literary contexts of M.N. Muravyov's tragedy "Dido". It has not been published, the manuscript of this text is kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library (St. Petersburg). The work shows that Muravyov polemicized with a number of European authors, among whom the central place was occupied by J.J. Lefranc de Pompignan, who wrote his "Dido" in

1734, and Ja.B. Knyazhnin, who, creating the play of the same name presumably in 1769, relied on Lefranc. If the French writer criticized Virgil, did not understand his “naturalness” and tried to propose new principles for building characters in the drama, then Muravyov, on the contrary, idolized the author of the “Aeneid” and wanted to return to the ancient original. At the same time, the young poet could rely on the writings of Racine and the critical articles of Voltaire, who for several decades ridiculed Lefranc and his works. One of Voltaire’s key texts in this context was “Le Russe à Paris” (1760), in which he opposed M.V. Lefranc to Lomonosov, who was one of the main literary models for Muravyov. Thus, the article hypothesizes that Muravyov, creating his “Dido”, found himself in the middle of literary disputes: rejecting the line “Lefranc — Knyazhnin — Sumarokov”, he chose the line “Virgil — Racine — Voltaire — Lomonosov”, claiming to be an intermediary between European and Russian cultures.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>.

Key words: Mikhail Muravyev, Ya.B. Knyazhnin, A.P. Sumarokov, Vergil, history of 18th century Russian literature.

For citation: Ivinskiy, A.D. *Muravyov, Kniazhnin, Volter i Lefran de Pompinyan* [Muravyov, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 85–95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050071

Задача данной заметки — обсудить литературный контекст замысла трагедии М.Н. Муравьева «Дидона»¹, первое действие которой было начато в 1771 г.², а завершено 12 марта 1772³, второе было закончено 26 июля 1772⁴, а третье и последнее — 3 мая 1774 г.⁵

Однако и позднее этот сюжет интересовал писателя: так, например, среди бумаг, хранящихся в ОР РНБ, находим такую недатированную запись: «...в четвертой книге “Энеиды” кажется, что уступает Эней первое место: во всей ней царствует душа Дидоны и рассыпает на нее нежность и пристрастие чувствий, которых только способна женщина. Может быть, и не ошибся Virgiliiy, когда не в герое показал нам все прелести и бесшенства любви, а в нежнейшем поле...»⁶.

В 1780 г. Муравьев сочинил прозаическую героиду «Дидона к Энею», по-видимому, оставшуюся незавершенной. Приводим весь известный нам текст:

Героида Дидона к Енею. В 1780 г. в Твери. Заботы исчезают из сердец смертных со снисхождением знойного дня и чистый вечер отдаляет звуки работ. Эхо молчит, разве одни тайные кусты еще внимают повторения его. А еще не приходит Эней разделить светлые

часы вечера с Дидоною, томящеюся целый долгий день попечениями царства, которые становятся мне дед ото дня более чужды. Ах! Эней, слабо занимают нас упражнения, где не участвует сердце. Мое толь тяжко, толь удивлено новыми своими чувствиями! Неведомое умиление проистекает из него каждое мгновение. Тобою подкрепляема, тобою... столь ясны вижу мгновения свои. Но... возвращаясь в себя, некий туман... Отдалим от себя сие преследующее воображение. Я вся предаюся счастию благотворения, дружбы. Обхождение твое, Эней, твои понятия, исправляющие мои, присовокупляют каждый день к благородству души моей. Заставляя почитать себя, ты совершаешь существование мое. Что бы было, боги! если бы жизни моей суждено было кончиться, не видя тебя? Один только светлый день, и я бы не имела и понятия о счастья тебя знать, наслаждаться нежностью сердца твоего, внимати мудрость, проистекающую из уст твоих! ты уже видел Италию: буря, благоприятствующая буря, отнесла тебя от берегов ея...⁷.

В «Записной книге» Муравьева, которая хранится в ОР РГБ, находим стихотворный перевод из той же четвертой книги «Энеиды», посвященный «царице», которая «любовью уязвлена» (подробнее об этом, а также текст перевода см.: [3, с. 374–375]).

Вернемся к тексту трагедии. В центре внимания Муравьева здесь Дидона, именно она проносит самые яркие монологи. Эней отошел несколько на второй план, «уступил первое место», он метался, страдал, пытаясь выбрать между «разумом» и «сердцем», но довольно быстро определился со своей судьбой. Таким образом, фокус внимания читателя смешался с тем предназначения Энея, будущего Рима, имперской мифологии, которые сохраняли свою принципиальную важность в тексте, на психологические страдания

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1–20 об. В настоящее время мы готовим текст трагедии к печати.

² Муравьев указал эту дату на первом листе рукописи (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).

³ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 9 об.

⁴ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 14 об.

⁵ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 20 об. Об этом см.: [1, с. 80]; [2, с. 21].

⁶ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. 3 об.

⁷ РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 132.

любого современного поэта, который хотел бы добиться статуса классика.

Л.И. Кулакова полагала, что «замысел <“Дидоны”> не соответствовал силам автора», при этом отметив, что «незрелая трагедия не удовлетворила его, а позднее он написал на нее уничтожающий автоотзыв и автоэпиграмму:

Кто эту написал “Дидону”,
Не должен попрекать погрешности Прадону» [11, с. 17–18].

Действительно, на полях первого листа рукописи Муравьев записал эту эпиграмму⁹, но, во-первых, она, кажется, создана позже¹⁰ и, возможно, отражает зрелую оценку собственных юношеских опытов, которая нередко бывает излишне резкой, а во-вторых, строго говоря, мы не знаем точно, что это была именно *автоэпиграмма*. Дело в том, что, как верно указала Л.И. Кулакова, тексту трагедии предшествует «предисловие», которое «обнаруживает недюжинную начитанность четырнадцатилетнего автора и полемический задор» [11, с. 17]. С нашей точки зрения, эпиграмму можно отнести не столько к юному Муравьеву, сколько к Лефрану де Помпиньяну и др., кому автор и посвятил свой критический разбор¹¹. Именно в нем молодой поэт бичевал «Прадонов», обвиняя их в непонимании Вергилия, а значит, «естественности» и «природы»:

Повесть страсти Дидоновой, столь прекрасно описанной и, может быть, вымышленной Вергилием, подала повод к сочинению Трагедии, сколько мне известно, господам Скюдери, Буа-Роберту, аббату Метастазию, маркизу Ле Фран де Помпиньян, Шлегелю, Як.Б. Княжнину. Всякой имеющий чувствительное сердце должен сожалеть, что не предпринял ее писать Расин, один, которой бы мог вслед идти Вергилию или с ним бороться. Нравственно невозможно, чтоб великому Корнелию пришлось когда-нибудь в ум посвятить бдения свои на начертанье сей повести в трагедии. Его соперник и товарищ на трагическом поприще — творец *Аталии* — многие красоты Вергилиевы оживил чувствами своей души и прелестями стихосложения разделил, так сказать, между Андромахи и Федры стыдливость, сражения любви и ее неистовства. Я не хочу видеть Дидоны в убранстве, данном ей в займы Ле Франом после того, как я видел ее в одеяниях прекрасных и естественных, в которые облек ее Вергилий или — лучше — природа¹².

⁹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1.

¹⁰ Так, Кулакова, печатая этот текст в подготовленном ею издании, отнесла его к 1780-м годам [11, с. 233].

¹¹ При этом возможна и двойная адресация эпиграммы зрелого Муравьева, который видел недостатки и свои, и других авторов.

¹² ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1.

Подчеркнем в этом тексте слово *один*: только Расин сравним с Вергилием, для Муравьева, человека, страстно увлеченного античностью, это было, наверное, высшей из возможных похвал¹³. Но если так, то все остальные упомянутые авторы, и особенно Лефран¹⁴, в той или иной степени отошли от идеала. Если Вергилий — это «природа», «естественность» и «простота», то Лефран и др., очевидно, что-то прямо противоположное¹⁵.

Жан-Жак Лефран де Помпиньян (1709–1784) — французский драматург, в 1734 г. он напечатал «Дидону», имевшую, наряду с его одами, настолько шумный успех, что он получил место во Французской академии. Его трагедия была играна 18 раз в течение первого года, а в репертуаре оставалась до 1818 г. [12]. В России она впервые, кажется, была поставлена 23 июля 1749 г.: «...полудни, вместо куртага, отправлялась французская трагедия “Еней и Дидона”, в присутствии Их Императорских высочеств» [13, с. 33]. Кроме того, в конце 1750-х годов «Дидона покинутая» ставилась первой русской придворной труппой под руководством А.П. Сумарокова [14, с. 175].

Чем же Лефран мог так раздражить юного Муравьева? Французский драматург в предисловии к своей трагедии не только отказался признать безусловное величие Вергилия, но и резко раскритиковал его. С точки зрения Лефрана, Вергилий уступал Гомеру в искусстве создания героев, которые у римского автора были «посредственными и презренными» (это “*mauvais modele*”). Современный автор должен исправить «ошибки» древних и создать персонажей, которые соответствовали бы универсальным принципам «чести»:

Je respecte Virgile, & je fais gloire d'être son admirateur; mais je ne connois pas de plus mauvais modele que lui pour les caractères. Je prie les adorateurs de l'antiquité de ne me point confondre avec ceux qui la décrient. Je sais combien il est injuste de faire un crime à Homere, à Sophocle, à Euripide, à Virgile & à tous les Poètes célèbres de la Grece, & de Rome d'avoir employé des pensées, des images, & des expressions qui paroissent souvent contraires aux moeurs,

¹³ Ср. замечания Н.Д. Кочетковой о том, что «образом <для Муравьева. — А.И.>, достойным подражания, становится не только древний автор — Вергилий, но и новый — Расин, понятый, правда, уже не традиционно» [1, с. 81].

¹⁴ На первом листе рукописи находим такой заголовок: «План Дидоны Г. Ле Фран де Помпиньяна». Муравьев свой замысел не реализовал, видимо, он планировал проанализировать структуру французской трагедии (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).

¹⁵ Ср. справедливые замечания Р.М. Лазарчук: «Муравьев попытался снять с сюжета Вергилия позднейшие напластования. Он обращается к античности, минуя опыты Ж. Скюдери, Ф. Буа-Роберта, П. А. Метастазия Ж.-Ж. Ле Франа де Помпиньяна» [2, с. 24].

& au goût des François. Chaque pais a ses moeurs, ses costumes, son langage qui doivent servir de règle pour décider du mérite de ses auteurs, & non le système particulier d'une seule nation. Mais il est des choses indépendantes du goût, & des usages des différents peuples. Telles sont des loix de l'honneur, de la droiture, de la valeur, de l'amitié: c'est sur ces principes immuables & communs à toutes les nations du monde, que doit être établi le caractère des héros qu'on introduit sur la scène, & l'on peut condamner sans rémérité tout auteur qui s'en écarte, fût-il Grec, Romain, ou François. Or il est certain que Virgile en cela bien inférieur à Homere nous a présenté des héros toujours médiocres, & le plus souvent méprisables. C'est une vérité généralement reconnue, & je doute que ses partisans les plus outrez me fassent un crime d'avoir tâché de le rectifier en cette partie¹⁶ [15, p. 6].

И действительно, Лефран значительно отошел от источника, ввел новых персонажей и сместил, таким образом, акценты, реинтерпретировав источник — четвертую главу «Энеиды». Это предисловие не прошло незамеченным. Так, Вольтер в письме к М. Тьеро от 28 марта 1738 г. называл его «наглым»: “...mais sa *Didon*, toute médiocre qu'elle est, lui tourna la tête, et lui fit faire une préface impertinente *au possible*, qui mérite mieux l'exil que tout discours à une cour des aides” [16, p. 445] («...но его Дидона, как бы она ни была посредственна, вскружила ему голову и заставила сделать максимально дерзкое предисловие, которое больше заслуживает изгнания, чем всякая речь в Высшем податном суде»). Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Муравьев, боготворивший Вергилия, оценил текст Лефрана схожим образом.

Полемика Вольтера с Лефраном продолжалась несколько десятилетий, то затухая на время, то разгораясь с новой силой вновь. Так, Вольтер,

¹⁶ «Я уважаю Вергилия и горжусь тем, что являюсь его поклонником; но худшего образца персонажей, чем он, я не знаю. Прошу поклонников старины не путать меня с порицающими ее. Я знаю, как несправедливо обвинять Гомера, Софокла, Еврипида, Вергилия и всех знаменитых поэтов Греции и Рима за то, что они использовали мысли, образы и выражения, которые часто кажутся противоречащими морали и вкусам французов. Каждая страна имеет свои обычаи, свои костюмы, свой язык, которые должны служить правилом, определяющим заслуги ее авторов, а не особый строй отдельного народа. Но есть вещи, независимые от вкусов и обычаев разных народов. Таковы законы чести, праведности, доблести, дружбы: именно на этих непреложных принципах, общих для всех народов мира, должен складываться на сцене характер представленных героев, и мы можем безосновательно осуждать любого автора, отклоняющегося от нее, будь то грек, римлянин или француз. Это точно, что Вергилий в этом отношении, значительно уступая Гомеру, подарил нам героев всегда посредственных, а чаще всего презренных. Это общепризнанная истина, и я сомневаюсь, что самые возмутительные ее противники назовут меня преступником за попытку исправить его в этой части» (здесь и далее перевод мой — А.И.)

несмотря на теплый прием «Дидоны» Лефрана публикой, раскритиковал не только предисловие, но и всю пьесу, назвав ее «скучной». Более того, он обвинял автора в плагиате, поскольку тот якобы скрыл тот «факт», что его трагедия — «лишь перевод» оперы П. Метастазियो (см. подробнее: [12]¹⁷). Кажется, эти обвинения были несправедливы, хотя, разумеется, Лефран не мог не учитывать произведение Метастазियो: “*Didone abbandonata*” (1724) была крайне популярна, и уже в 1766 г., как указано на титуле издания, «по всевысочайшему ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской поведению», ее перевели на русский язык [17]. Тексты Лефрана и Метастазियो использовал, как известно, «переимчивый» Я.Б. Княжнин, когда сочинял свою «Дидону» (об этом подробнее см.: [18, с. 725]). Таким образом, в восприятии современников «Дидона» оказалась неразрывно связана с темой заимствований, влияний и даже плагиата (причем не так важно, насколько справедливы были подобные претензии).

Впрочем, Лефран не побоялся вступить в открытую полемику с Вольтером и попытался «отыгаться» на всех так наз. философах, просветителях, забывших, по его мнению, подлинную мораль (“*morale sogomprue*”) и создававших безнравственные произведения (“*littérature dépravée*”) [19, p. 4–5] (см. подробнее: [20, p. 429–449]).

Вольтер не остался в долгу и, по крайней мере, три года, с 1760 по 1763, преследовал Лефрана своими иронией, насмешками и издевками (см. об этом: [21, p. 171]). Кстати, не забыл Вольтер и «Дидону» и посвятил ей специальное сочинение “*Fragment d'une lettre sur Didon*”, в котором разоблачил многочисленные «несовершенства» отдельных монологов героев, отказав Лефрану в писательском таланте [22, p. 231–232].

Ключевой текст Вольтера в этом ряду — “*Le Russe à Paris*” (1760). Это очередная мистификация: авторство текста приписано секретарю русского посольства Ивану Алетову¹⁸, который выучил французский в Архангельске и сочинял изящные стихи. Очевидно, что «поэт из Архангельска» отсылал к М.В. Ломоносову. И, разумеется, Алетов, «Правдин», не выносил сочинений Лефрана:

¹⁷ Другое мнение: «...спектакль по трагедии Ж.Ж. Лефрана де Помпигнан “Дидона”, написанной по мотивам поэмы Вергилия и высоко ценимой современниками и среди них — Вольтером, чье мнение и творчество было для Сумарокова авторитетным» [14, с. 174–175].

¹⁸ Возможно, фамилия говорящая: «Алетов» восходит к греческой “*aletheia*” (правда, истина).

“...un discours du sieur Lefranc de Pompignan, le mirent dans une telle colère qu’il en eut une fluxion de poitrine” [23, p. 129]. Следуя во многом схеме «Персидских писем» Монтескье, Вольтер описывал Париж глазами русского, который поражен «падением» современной французской культуры. Вольтеровский текст — издевка над Лефраном-ханжой, критиком «философов»¹⁹. Таким образом, интересующий нас сюжет неожиданным образом оказался включен в русский контекст: Ломоносов противопоставлен Лефрану, а «преображенная» Россия — погрязшей в ханжестве Франции. При этом, очевидно, «Дидона» такого автора воспринималась как знак, проявление этого всеобъемлющего упадка.

Ломоносов также переводил из четвертой книги «Энеиды», при этом он, в отличие от Лефрана, высоко ценил талант Вергилия. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» писатель отметил, что «весьма возвышается слово смешением страстей: и для того славные Авторы не редко представляют одного человека двумя разными, или и противными страстями объятю. Так Вергилий изображает Дидону Королеву Карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея Генерала Троянского в 4 книге своей Енеиды» [25, с. 131]. И далее он напечатал фрагмент своего перевода, который Муравьев не мог не знать:

Уже всходя заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритона овра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матрозов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
О, боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню
И карфагенский флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынче рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить,
И члены бы его отцу поставить в снедь?
Но счастье на бою сомнительно.
Да пусть бы. Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них.

¹⁹ Ср.: «Наделенный трезвым и критическим умом, русский путешественник сразу же убеждается в том, что ему нечего делать в Париже: культура великого народа померкла от засилья ханжей и иезуитов; свободная мысль преследуется. Чувство восхищения французской культурой сменяется у русского путешественника чувством сострадания. Он покидает Францию, обещая вернуться тогда, “когда французы станут иными”» [24, с. 179].

О солнце, что на всю вселенную зришь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышите днесь мольбу:
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
Достигнул до земли и до берегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить не можно:
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другое.
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку не погребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю?
[25, с. 131–132].

Муравьев, во многом следуя принципам, описанным Ломоносовым, создал сложный психологический портрет Дидоны, которая металась между надеждой и отчаянием, страстью и принятием своей судьбы; вот несколько примеров из второго действия пьесы:

Жестокой! он бежит, бежит, не озираясь,
И страхом одолен, себе сам изменяясь,
Взор смутной потупя, спокойства отлучен,
Свиристует в своем злодействе убежден,
Дидона! Ах! Почто злодея полюбила...
Но кая лется вдруг не знаема внутрь сила?
Нет, ах! Я чувствую, что мною он любим,
Я с ним готова жить и умереть с ним,
Пленилась я им и век хочу быть пленна,
И с ним одним по гроб хочу быть соединена,
И чтоб и холодный прах с Енеевым смешен,
Во тленности еще пребыл не разлучен,
Но что я говорю? Дидона, заблуждаешь
И в кои пропасти себя ты не ввергаешь?
Ах! легковверная престань себя ласкать,
Тебе уж помощи не можно ожидать.
Навек, навек уж ты оставлена терзаться,
Готовься к жалостям, готовься волноваться,
Исчезни из ума меня толь льстивша мысль,
И утешаться ты в любви уже не числь.
<...>

О боги, коли так, что нам повелевают
То самое, что нам другие запрещают,
Могли ли столько к нам вы лютости иметь?
Несчастлива смертных жизнь наука зло терпеть.
<...>

Ах! Нет, тому не быть, не лести меня уж тем,
На век уж мне, на век остаться в горе сем,
А ты еще его флот море не поглотил,
И упований злых его не поворачишь!
И ветры что его на сей прибили брег,
Его, чтоб не сгубить, свой остановит бег!
И ты, что все то зришь, громовым Зевс ударом
Не поразишь еще его во гневе гром,
А он на кораблях, гордяся, по волн^{ам}
Пойдет, напрягши снасти, к Авзонским берегам,
И парус к высоте дымитя непомерной,
И весла там шумят... остановись, неверной!
Кого оставил здесь? Возьми меня с собой!²⁰

²⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 12 об., 13.

“Le Russe à Paris” мог привлечь внимание Муравьева еще и потому, что он в 1770-е годы в целом ряде своих сочинений — в «Похвальном слове Михаиле Васильевичу Ломоносову» (1774), «Рассуждении о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого» (1776; напечатано в 1783), «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова» (1777), «Дщицах для записывания» (1778) — выдвинул на первый план творчество Ломоносова, по сути, отвергая претензии Сумарокова на звание главного русского поэта и трагика (об этом см. подробнее: [1, с. 110–112]). При этом Муравьев, в это время переводивший «Федру» Расина, полемизировал с Сумароковым в своем «Рассуждении» по поводу монолога Терамена (об этом см.: [26]; см. также: [27]). Мы не знаем, был ли знаком Муравьев с сумароковским опытом перевода отрывка из четвертой книги «Энеиды» — «О знаки нежности, явленной прежде мне...» [28, с. 308]²¹, однако кажется очевидным, что именно Ломоносов представлялся ему образцовым автором. Таким образом, полемика о «Дидоне» приобретала новое измерение и проецировалась на русский литературный контекст: ломоносовская линия оказалась противопоставлена линии «Сумароков — Княжнин»²².

Что мог знать об этой сложной и многоаспектной полемике вокруг «Дидоны» молодой Муравьев? С начала 1770-х годов он близко общался с М.М. Херасковым и В.И. Майковым; ср.: «1773 января 1 <...> в это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас. Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М.<ихаила> Матв.<еевича> Хераскова», коему читал перев. *Федры* <...> Мы ужинали. Майк.<ов>, Фонвизин, Храпов.<ицкий> Вас., княжна...»²³. Письма второй половины 1770-х годов²⁴ наполнены указаниями на встречи с лучшими авторами эпохи (не только с Херасковым и Майковым, но и с Н.И. Новиковым и В.П. Петровым), каждый

из них мог поделиться с молодым поэтом информацией и о «Дидоне», и о Метастазии²⁵, и о Лефране, и о Вольтере. Они же могли рассказать Муравьеву об опыте Сумарокова и о пьесе Княжнина, единственном русском авторе, которого упомянул в своем предисловии Муравьев.

Когда Княжнин написал свою «Дидону», до сих пор доподлинно неизвестно: «Первая трагедия К<няжнина> “Дидона” создана, по одним сведениям, в 1767, по другим — в 1769» [29]; при этом Н.И. Новиков в 1772 г. писал, что «она еще в свет не издана» [30, с. 114]. В 1773 г. Княжнин был арестован, приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имения, лишением дворянства и чинов, разжалованием в солдаты, только в 1777 г. его восстановили в правах и вернули чин капитана, в 1778 г. он стал секретарем И.И. Бецкого [31, с. 369]. 8 февраля 1778 г. Муравьев писал сестре Ф.Н. Муравьевой: «Я был вчерась на представлении “Дидоны” Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитриевский играл Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитриевском в шлеме по Дмитриевскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил “Дидону”, видел он первое ее представление» [31, с. 348]. Этому событию Муравьев посвятил стихотворение, сохранившееся в его «Записной книге»:

Ст.<ихи>на представление Дидоны Як.<ова>
Бор.<исовича> Княжнина 1778 Февр.<аля> 7

О сколько должен я творцу моих утех,
Что нежность возбудил в моем он сердце спящу
Творцу явившему Дидону, смерть носящу,
Зря нежностей своих обманутой успех,
И унижающую и пасть пред тем готову
Кто хочет... Можно ль быть толико к ней сурову?
Кто хочет бедную, любовью погубя,
К любви приучив, оставить без себя.
О варварство!.. но в нем слух боги заградили
Кто сей другой идет? кто злобой искошен
И мнится фурии кого препроводили

²⁵ Муравьев в 1770-е годы живо интересовался творчеством Метастазии. Так, 11 августа 1776 г. он писал сестре: «а нынче перебираю Метастазия, которого завтра мне надобно отнестъ» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 98 об.); см. также письмо от 27 ноября 1778 г.: «сегодня опера *Ахилес* <опера Метастазии> “Ахилл во Спире”. — А.И.>, на которой и я думал быть» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 7 об.)

²¹ Об этом тексте подробнее см.: [14, с. 170–183].

²² Эти соображения очередной раз выводят на разговор об адекватности историко-литературной концепции Г.А. Гуковского, согласно которой Муравьев, якобы один из создателей «сентиментализма», должен был быть последователем так наз. школы Сумарокова, представителем ее третьего «поколения», однако, как видим, Ломоносов ему был гораздо ближе; кроме того, есть все основания сомневаться в существовании в действительности школы как таковой. Таким образом, литературная биография Муравьева может и должна рассматриваться вне наукообразной схемы Гуковского.

²³ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. [1].

²⁴ Мы подготовили к печати письма Муравьева 1776, 1778–1779 гг. и надеемся, что в ближайшее время они выйдут.

Се Ярб твой: зритель твой Дм...<итревским> уstraшен. Сверхилось: Именей в слезах бежит с царицей, Падушый Карфаген Дидоне стал гробницей²⁶.

Итак, Муравьев утверждал, что любительский спектакль у П.В. Бакунина, который состоялся 7 февраля 1778 г., был первой постановкой «Дидоны» Княжнина. При этом отметим, что он указывал 1769–1770 гг. («в восемь лет, как он сочинил «Дидону»») временем написания текста. Означает ли это, что именно в тот вечер Муравьев познакомился с этим произведением и что «предисловие» с критикой, в частности, Княжнина было написано в 1778 г.? Это возможно, но, кажется, такой вывод будет поспешным, ведь Муравьев мог прочитать список произведения, который мог получить если не от самого Княжнина, то от своих многочисленных литературных покровителей. Относительно близко Муравьев сошелся с Княжниным только в августе 1778 г.; ср.: «С Княжниным, которой в числе издателей, с некоторого времени я поболее знаком. Как тихой человек, он очень любви достоин, и как писатель много трудился...»²⁷. Однако Муравьев плотно общался с И.А. Дмитриевским, который часто упоминался в его письмах уже 1776 г.; так, например, 21 июля он писал отцу Н.А. Муравьеву: «Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитриевской хвалил мою трагедию»²⁸ (о сравнительно близких отношениях с Херасковым и Майковым см. выше). Любой из них мог передать Муравьеву рукопись княжнинского текста.

Второе действие «Дидоны» Муравьев, как мы указали выше, написал позже, в 1772 г., причем дал трагедии новое название: «Дидона умирающая»²⁹. Возможно, изменение заглавия (или как минимум размышления о возможности его изменения) было связано с чтением Метастазियो. Так или иначе в конце первого явления второго действия находим еще один небольшой историко-литературный комментарий Муравьева. На этот раз он начал писать об отличиях своей «Дидоны» от княжнинской: «Трагедия Як.<ова> Борисовича есть картина, в которой действие выведено: все шествует, друг другу следует. Я ничего не говорю о выражении картины. Моя трагедия, есть ли можно назвать так гордо декламацию ребенка, есть кусок картины, где едва одна Грация изъяснена, не крепко колорированной. Краски не приятны без <нрзб> дики. Но зачин ее грубоности свой

обещал более, нежели то я»³⁰. Мы не знаем, когда было написано это «примечание», но, очевидно, что словосочетание «декламация ребенка» — это оценка уже зрелого автора³¹. В данном случае нас интересует не столько авторская оценка своего труда, сколько очередное появление имен Княжнина и Метастазियो в одном контексте.

Это тем более интересно, что история литературных взаимоотношений Муравьева и Княжнина исключительно сложна и наполнена целым рядом скрытых пересечений. Так, показателен в этом контексте перевод Муравьева из «Милосердия Титова» Метастазियो. В.Н. Топоров указал, что этот текст также связывал поэта с Княжниным: «Княжнин, как известно, написал первую русскую музыкальную трагедию “Титово милосердие” (1778), созданную на основе трагедии П.-Л. Бюирета де Беллуа “Тит” и оперы Метастазियो “Титово милосердие”, шедшей в России в переводе Ф.Г. Волкова уже с 50-х годов» [8, с. 177–178]. Имена Княжнина и Метастазियो переплетутся еще раз — в произведении Муравьева «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазियो» [32, с. 83–85]. Следовательно, можно предположить, что «Дидона» была одним из эпизодов долгой внутренней полемики Муравьева с Княжниным.

Этот контекст позволяет понять, чем Муравьев мог привлечь сюжет с лефрановой «Дидоной»: начинающий автор тем самым солидаризировался с лучшими сочинителями эпохи, продемонстрировал, что он знаком с ключевыми литературными конфликтами своего времени и попытался предложить себя в роли своеобразного посредника между французской и русской культурами. Таким образом, выстраивается сложная линия литературной преемственности: Вергилий — Расин — Вольтер — Муравьев. Таким был уровень претензий 14-летнего поэта. Вернемся к Княжнину: хотя прямо против него не сказано ничего, мы можем аккуратно предположить, что он — в концепции Муравьева — оказался среди тех, кто противопоставлен Вергилию, а значит, находится вне магистральной линии развития западной культуры. При этом мы не можем утверждать с абсолютной уверенностью, что, помещая имя Княжнина в один ряд с Лефраном, Муравьев намекал на его «переемчивость», на зависимость от французского драматурга, которого

²⁶ ОР РГБ. Ф. 178. № 11161.1. Л. 56 об.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 43.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 90.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 8.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 9 об.

³¹ В конце второго действия Муравьев сделал, очевидно, позднюю приписку, в которой свой опыт назвал «ученичеством тринадцатилетнего ребенка» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 14 об.).

Вольтер, в свою очередь, обвинял в плагиате у Метастазео³². В любом случае необходимо признать Княжнина одним из ключевых авторов, с которыми прямо или скрыто полемизировал Муравьев. Естественно, это не означает, что между ними не могло быть симпатий или точек соприкосновения по каким-то другим вопросам. Первый опыт Муравьева в этом сложном историко-литературном контексте перестает казаться случайным упражнением начинающего поэта, а напротив, представляется важнейшей частью его литературной биографии.

Тем не менее возникает еще один вопрос: почему Муравьев не напечатал свою «Дидону»? Наверное, по той же причине, по которой он в целом очень мало публиковался. Муравьев, насколько можно судить, был человеком, склонным к перфекционизму, он часто возвращался к своим текстам, чтобы улучшить или переделать их. При этом он болезненно относился к возможным неудачам. Конечно, сыграл свою роль и успех «Дидоны» Княжнина. Что-то подобное произошло и с надеждами переводить «Энеиду». Муравьев, увлеченный читатель и знаток Вергилия, отказался от своего замысла, когда начал выходить перевод В.П. Петрова. Поэтому можно констатировать, что со многими своими проектами он просто опоздал. Тем не менее не публиковавшиеся ранее материалы, которые мы здесь процитировали, как кажется, позволяют приблизиться к реконструкции самого раннего периода творчества Муравьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 286 с.
2. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда: Легиа, 1999. 238 с.
3. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 374–375.
4. Росси Л. «Вергилий» Муравьева: к проблеме Гуманизма в России // *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. 2005. No. 33. С. 73–79.
5. Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007. 223 с.
6. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев и Античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя) / Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 221 с.
7. Любжин А.И., Ленчиненко М.В. Под сенью крыл мантуанского лебедя: М.Н. Муравьев – читатель Вергилия (в печати)
8. Топоров В.Н. Из истории русской литературы Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1–3. М.: Языки русской культуры, 2001–2007.
9. Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770–начала 1780-х годов // *Рукописи, редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета*. [Вып. 6]. М.: Археографический центр, 1997. С. 102–126.
10. Муравьев М.Н. Полн. собр. сочинений. СПб.: Тип. Росс. акад., 1819–1820. Ч. 1–3.
11. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. 389 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
12. Braun T. Voltaire, Metastasio and Le Franc de Pompignan's Didon // *The King's Crown: Essays on XVIIIth Century Culture and Literature Honoring Basil Guy*. Louvain: Peeters, 2005. P. 11–20.
13. Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1749 г. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1853. 77 с.
14. Демин А.О. Отрывок из «Энеиды» в переводе Сумарокова // XVIII век. Сб. 30: Литературное творчество А.П. Сумарокова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 170–183.
15. *Le Franc*. Didon. Tragedie. Paris: Chez Chaubert, 1774. 73 p.
16. Voltaire. Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1880. Vol. 34. 598 p.
17. Метастазео П. Оставленная Дидона. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1766. 61 с.
18. Княжнин Я.Б. Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1961. 774 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е)
19. *Lefranc de Pompignan J.-J.* Discours de réception prononcé devant l'Académie française, le 10 mars 1760. Paris: Brunet, 1760. 33 p.
20. Ferret O. Les paradoxes d'un anti-philosophe. L'Éloge historique de Monseigneur le Duc de Bourgogne, par J.-J. Lefranc de Pompignan // *Dix-Huitième Siècle*. Paris: PUF, 1999. № 31. P. 429–449.
21. Ferret O. Voltaire: Pamphlets and Polemic // *The Cambridge Companion to Voltaire*. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 167–178.
22. Voltaire. Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1879. Vol. 22. 604 p.

³² Если это так, то Муравьев опередил И.А. Крылова, который в 1788 г. написал комедию «Проказники», «злой и грубый памфлет против <...> Я.Б. Княжнина», который был «изображен под именем Рифмокрада», при этом он «поэт-драматург, самовлюбленный дурак, произведения которого – плагиат, компиляция отрывков из французских драматургов» [33, с. 142].

23. *Voltaire. Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1877. Vol. 10. 636 p.
24. *Прийма Ф.Я.* Ломоносов и «История российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 170–186.
25. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию: Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1748. 323 с.
26. *Ивинский А.Д.* «Федра» в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ) (в печати).
27. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
28. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1. М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. 368 с.
29. *Западов В.А.* Княжнин Я.Б. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 70–81.
30. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщений, известий и словесных преданий. СПб., 1772. 278 с.
31. Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. 472 с.
32. *Алехина Л.И.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М.: Книжная палата, 1990. С. 4–87.
33. *Гуковский Г.А.* Заметки о Крылове // XVIII век. Сб. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 142–165.
4. Rossi, L. “Vergilii” Muravyeva: k probleme Gumanizma v Rossii [“Virgil” by Muravyov: On Humanism in Russia]. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*, 2005, No. 33, pp. 73–79. (In Russ.)
5. Liubzhin, A.I. *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Roman Literature in Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Moscow: Greko-Latinskii kabinet Iu.A. Shichalina, 2007. 223 p. (In Russ.)
6. Prokopyeva, L.B. *M.N. Muravyev i Antichnost (Goratsii i Vergilii v perevodakh i tvorchestve pisatelii)* [M.N. Muravyov and Antiquity (Horace and Virgil in His Translations and Works)]. Diss. ... Candidate of Philological Sciences. Tomsk, 2010. 221 p. (In Russ.)
7. Liubzhin, A.I., Lenchenko, M.V. *Pod seniū kryl mantuanskogo lebedia: M.N. Muravyev – chitatel Vergiliia* [Under the Canopy of the Wings of the Mantuan Swan: M.N. Muravyov – Reader of Virgil]. (in the press) (In Russ.)
8. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Muravyev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature, vol. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century. Mikhail Muravyov: Introduction to the Literary Heritage]. Book 1–3. Moscow: Iazyki Russkoi Kultury Publ., 2001–2007. (In Russ.)
9. Fomenko, I.Iu. *M.N. Muravyev o chtenii: iz rabochikh tetradei kontsa 1770 – nachala 1780-kh godov* [Muravyov on Reading: from Workbooks of the late 1770s and early 1780s]. *Rukopisi, redkie izdaniia. Arkhivy. Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [Manuscripts, Rare Editions, Archives. From the Moscow University Library]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997, pp. 102–126. (In Russ.)
10. Muravyov, M.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collection of Works]. St. Petersburg, 1819–1820. Vol. 1–3. (In Russ.)
11. Muravyov, M.N. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1967. 389 p. (In Russ.)
12. Braun, T. *Voltaire, Metastasio and Le Franc de Pompignan’s Didon. The King’s Crown: Essays on XVIIIth Century Culture and Literature Honoring Basil Guy*. Louvain: Peeters, 2005, pp. 11–20.
13. *Kamer-furjerskii tseremonialnyi, banketnyi i pokhodnyi zhurnal 1749* [Chamber-Fourier Ceremonial, Banquet and Marching Magazine 1749]. St. Petersburg, 1853. 77 p. (In Russ.)
14. Demin, A.O. *Otryvok iz “Eneidy” v perevode Sumarokova* [Excerpt from “The Aeneid” translated by Sumarokov]. *XVIII vek. Sb. 30: Literaturnoye tvorchestvo A.P. Sumarokova* [The 18th Century. Coll. 30: Literary Works of A.P. Sumarokov]. Moscow, St. Petersburg: Alians-Arkheo Publ., 2020, pp. 170–183. (In Russ.)
15. Le Franc. *Didon. Tragedie*. Paris: chez Chaubert, 1774. 73 p. (In French)

REFERENCES

1. Kochetkova, N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Pursuits)]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 286 p. (In Russ.)
2. Lazarchuk, R.M. *Literaturnaia i teatral’naia Vologda 1770–1800-kh godov: Iz arkhivnykh razyskaniĭ* [Literary and Theatrical Vologda of the 1770–1800s: From Archival Research]. Vologda: Legiia Publ., 1999. 238 p. (In Russ.)
3. Ivinskiy, A.D. *M.N. Muravyev i antichnye poety: neo-publikovannye perevody* [M.N. Muravyov and Ancient Poets: Unpublished Translations]. *Studia Litterarum*. 2021, Vol. 6, No. 2, pp. 358–385. (In Russ.)

16. Voltaire. *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1880, Vol. 34. 598 p. (In French)
17. Metastazio, P. *Ostavleniia Didona* [Abandoned Dido]. St. Petersburg, 1766. 61 p. (In Russ.)
18. Kniazhnin, Ya.B. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Writings]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1961. 774 p. (In Russ.)
19. Lefranc de Pompignan, J.-J. *Discours de réception prononcé devant l'Académie française, le 10 mars 1760*. Paris: Brunet, 1760. 33 p. (In French)
20. Ferret, O. Les paradoxes d'un anti-philosophe. L'Éloge historique de Monseigneur le Duc de Bourgogne, par J.-J. Lefranc de Pompignan. In: *Dix-Huitième Siècle*. Paris: PUF, 1999, No. 31, pp. 429–449. (In French)
21. Ferret O. Voltaire: Pamphlets and Polemic. In: *The Cambridge Companion to Voltaire*. New York: Cambridge University Press, 2009, pp. 167–178.
22. Voltaire *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1879, Vol. 22. 604 p. (In French)
23. Voltaire. *Œuvres complètes*. Paris: Garnier frères, 1877, Vol. 10. 636 p. (In French)
24. Priima, F.Ia. *Lomonosov i "Istoriia rossiiskoi imperii pri Petre Velikom" Voltera* [Lomonosov and Voltaire's History of Russian Empire under Peter the Great]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 3. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 170–186. (In Russ.)
25. Lomonosov, M.V. *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu: Kniga pervaiia, v kotoroi sodержitsia ritorika, pokazuiu-shchaia obshchie pravila oboego krasnorechiia, to est' oratorii i poezii* [A Brief Guide to Eloquence: Book One, Which Contains Rhetoric, Showing the General Rules of both Eloquence, that is, Oratorio and Poetry]. St. Petersburg, 1748. 323 p. (In Russ.)
26. Ivinskiy, A.D. "Fedra" v perevode M.N. Muravyeva (po materialam OR RNB) (v pechati) ["Phaedre" translated by Mikhail Muravyov]. (in the press) (In Russ.)
27. Ivinskiy, A.D. *M.N. Muravyev i A.P. Sumarokov (po materialam OPI GIM i OR RGB)* [Muravyov and A.P. Sumarokov (On Materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum and of the Manuscript Department of the Russian State Library)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Seriya 9. Philology]. 2018, No. 2, pp. 198–210. (In Russ.)
28. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Full Collection of all Works in Poems and Proze]. Vol. 1. Moscow, 1781. 368 p. (In Russ.)
29. Zapadov, V.A. *Kniazhnin Ya.B. Slovar russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999, pp. 70–81. (In Russ.)
30. Novikov, N.I. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh. Iz raznykh pechatnykh i rukopisnykh knig, soobshchenii, izvestii i slovesnykh predanii* [An Essay of a Historical Dictionary about Russian Writers. From Various Printed and Handwritten Books, Messages, News and Verbal Legends]. St. Petersburg, 1772. 278 p. (In Russ.)
31. *Pisma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 472 p. (In Russ.)
32. Alekhina, L.I. *Arkhivnye materialy M.N. Muravyeva v fondakh Otdela rukopisei* [Archival Materials of M.N. Muravyov in the Manuscript Department Collections]. *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina* [Proceedings of the Manuscript Department of the V.I. Lenin USSR State Library]. Issue 49. Moscow: Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 4–87. (In Russ.)
33. Gukovskiy G.A. *Zametki o Krylove* [Notes on Krylov]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1940, pp. 142–165. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 июня 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on June 27, 2024

Revised on July 18, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024